

Профессиональное образование
в современном мире. 2017. Т. 7. № 1. С. 783–791
DOI: 10.15372/PEMW20170106
ISSN 2224-1841 (печатный)
© 2017 ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ

Professional education in the modern world,
2017, vol. 7, no. 1. pp. 783–791
DOI: 10.15372/PEMW20170106
ISSN 2224-1841 (print)
© 2017 Federal State State-Funded Higher
Institution Novosibirsk State Agrarian University

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ИЛИ СИСТЕМНОСТЬ?

THE FUTURE OF RUSSIAN EDUCATION: PROFESSIONALIZATION, COMPETITIVENESS OR CONSISTENCY?

УДК 101.1:316

DOI: 10.15372/PEMW20160422

А. П. Сегал

Segal, A.P.

*Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: segal.alexander@gmail.com*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
e-mail: segal.alexander@gmail.com*

Аннотация. Переход на коммерческую, рыночную основу не только привел к дезинтеграции единого комплекса «вуз-производство» с общим заказом на вузовский «продукт», но и существенно поменял отношение к самому этому продукту. Образование стало рассматриваться как услуга, а выпускник оказался вклиненным между вузом и производством, выступая в двойственном качестве: заказчика услуги и наемного работника. В этом контексте вопрос о конкурентоспособности высшего образования тоже приобретает двойственный характер, а решение этого вопроса представляется в одном случае недостижимым, а во втором – нежелательным. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать причины такого положения и возможные пути реинтеграции единой системы «вуз-производство». В статье подчеркивается, что при построении стратегии взаимодействия высшей школы и производства следует не ограничиваться организационно-технологическим аспектом, а учитывать социальные последствия стратегирования. Далее делается вывод, что восстановление единого пространства профессионального образования и производства возможно только при интегрирующей роли государства, выступающего по отношению к вузам как генеральный заказчик.

Abstract. The transition to business and market basis has led not only to disintegration between the complex “university-industry” and blanket order for university “product”, but it has changed significantly the attitude to this product. Education is considered as a service, and alumni are fixed between a university and production where they play the dual role as a client and as an employee. Due to this fact, the problem of competitiveness of higher education has double nature, its solution is inapproachable in the first case, and it is unwanted in the other case. This article attempts to analyze the reasons of this situation and possible ways of reintegration of a unified system “university-industry”. The article outlines that integration of higher education and industry should not be restricted by organizational and technological aspect whereas it should take into account the social impacts of building strategies. The paper makes case that the renovation of a common space for vocational education and industry is possible in case the government integrates universities and industry as a general customer.

Ключевые слова: профессионализм, конкурентоспособность, образование, субъектность, системность, стратегия, прогноз, предвидение, услуга, производство человека.

Keywords: professionalism, competitiveness, education, subjectivity, systematicity, strategy, forecast, foresight, service, human production.

Для цитаты: Сегал А. П. Будущее российского образования: профессионализация, конкурентоспособность или системность? // Профессиональное образование в современном мире. Т. 7. 2017. № 1. С. 783–791. DOI: 10.15372/PEMW20170106

For quote: Segal A. P. [The future of Russian education: professionalization, competitiveness or consistency?]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2017, Vol. 7, No. 1. pp. 783–791. DOI: 10.15372/PEMW20170106

Введение. Программа конференции¹, послужившей «первотолчком» для написания этой статьи, включала в себя, в частности, ряд дискуссионных вопросов, касающихся конкурентоспособности российского образования:

1. Как Вы оцениваете конкурентоспособность российского образования на глобальном рынке образовательных услуг?

2. Что необходимо сделать для повышения конкурентоспособности российского образования?

3. Поможет ли профессионализация повышению конкурентоспособности?

Казалось бы, ответы на них просты и очевидны: да, мы должны конкурировать на глобальном рынке и продвигать услуги отечественной образовательной сферы. Вряд ли найдется человек, считающий нормальным и справедливым положение дел в нашем образовании, бывшем некогда одним из лучших в мире. И трудно не согласиться с М.Б. Софиенко, заметившей, что «попытки встроить российские вузы в мировой рейтинг высших учебных заведений оказались малоуспешными» [1, с. 360] и «переход государственного образования на коммерческую основу изменил цели и интересы всех участников образовательного процесса, а в результате – всю систему образования, превратив ее в сферу платного обслуживания» [1, с. 363]. Впрочем, это коснулось не только российского образования: аналогичные процессы прокатились и по просторам бывших соцстран Восточной Европы. [2, с. 17]

Однако вопрос об оценке конкурентоспособности российского образования (тем более на глобальном рынке образовательных услуг) [3], каким бы простым и очевидным он ни казался, содержит в себе определенный подвох. В самом деле, зададимся уточняющим вопросом: а что значит «конкурентоспособность услуги»?

Конкурентоспособность *производства* понятна на уровне здравого смысла: продукт такого производства успешно конкурирует на рынке с продуктами других аналогичных производств. Другими словами, это когда наш выпускник (выпускник российских вузов) – если бы мы его рассматривали как продукт – успешно конкурировал бы с выпускниками других вузов других стран.

Но в нашем случае, подчеркнем, речь идет именно об *оказании услуги*, – это так или иначе отражается и в нормативных документах [4], и в ГОСТах [5], и в многочисленных выступлениях руководителей государства, отрасли и ведущих вузов [6]. И в соответствии с этим нас – и преподавателей, и вузы в целом – обязывают действовать. А конкурентоспособность услуги означает, что услугу, оказываемую нами, предпочтут другой услуге, оказываемой другими вузами.

При всей кажущейся незначительности различий – они огромны, ибо отражают в себе *два принципиально разных подхода* к процессу образования: в «производственном» и «сервисном» подходах берутся в расчет разные *субъекты*, а точнее – *разные типы субъектности*.

Конкурентоспособность продукта – это когда *мой продукт* пользуется на рынке большим спросом. А конкурентоспособность услуги – это когда *меня* выберут для *оказания* услуги.

Выбор продукта с точки зрения образования – это выбор выпускника корпорацией. Выбор услуги – это выбор вуза абитуриентом. В первом случае субъект – корпорация, а объект – бывший студент. Во втором случае субъект – будущий студент, а объект – вуз, его услуги. «Почувствуйте разницу!» – как говорилось в рекламе «Форда».

Таким образом, конкурентоспособность *продукта* российского высшего образования означает способность этого продукта (т.е. выпускника) *конкурировать* с выпускниками *других вузов* других стран на международном *рынке рабочей силы*. А конкурентоспособность *услуги* «российское высшее образование» означает, что абитуриент из страны N решит: «Зачем мне Гарвард? Пойду-ка я в МГУ, там учат лучше!» – и в наши вузы массово хлынут иностранные абитуриенты.

Следовательно, в зависимости от того, как мы смотрим на процесс образования, – как на производство человека или как на услугу этому человеку, – перед нами, кроме всего прочего, предстают *разные субъекты конкуренции*. И их неразличение существенным образом искажает картину функционирования и развития отрасли. Но, к сожалению, именно это искажение и происходит, когда речь заходит о *конкурентоспособности* российского высшего образования.

¹ IV-я Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция с международным участием «Профессионализм – основа конкурентоспособности отечественного образования», посвященная 80-летию Новосибирского государственного аграрного университета. С. 8–9.

Впрочем, здесь мы честно отметим, что оба подхода, соотнесенные с *глобальным* рынком, по состоянию на сегодняшний день выглядят как маниловские прожекты. Но плох тот солдат, который не мечтает стать генералом! Мечта – это начало успеха. Остается теперь выяснить, *о чем* надо мечтать, *какой именно* успех нам нужен, – и это будет ответом на второй вопрос: «*Что необходимо сделать* для повышения конкурентоспособности российского образования?»

Методология и методика исследования. Дальнейшее рассмотрение поставленных проблем будет осуществляться с использованием методологических подходов и методов, необходимых для их решения. К таковым относится, в частности, сравнительный анализ сфер общества, системный подход, структурный анализ, метод восхождения от абстрактного к конкретному. Плюс к этому мы уделим специальное внимание методике и методологии исследования будущего, поскольку речь идет именно о будущем состоянии сферы профессионального образования.

Результаты. Наличие разных целей и разных конкурентов диктует разные *стратегии* развития. Если речь идет о конкурентоспособности наших услуг, то для этого потребуются вложения в материальную базу вузов, в инфраструктуру кампусов и как минимум в профессионально исполненное продвижение этих услуг за рубежом. Это требует очень больших ресурсов, в первую очередь финансовых.

Если же речь идет о конкурентоспособности выпускников, то получается, что мы стимулируем поиск выпускниками работы за рубежом, трудовую миграцию людей с высшим образованием – при том что на замену им в страну въезжают не самые квалифицированные и образованные кадры. Является ли такая позиция социально ответственной? Вряд ли.

Впрочем, снова напомним: согласно всем нормативным документам, мы оказываем услуги. А у продукта «рабочая сила выпускника» – другой продавец: сам выпускник. Вуз – не продавец этого товара.

К сожалению, когда заходит речь о конкурентоспособности российского высшего образования, путаница происходит постоянно. Говоря о конкурентоспособности услуг, в большинстве случаев имеют в виду конкурентоспособность продукта: рабочей силы, которую выпускник собирается выставлять на рынок для продажи нанимателю, причем чаще всего отечественному. В то же время вузы не то что не могут, не имеют права вмешиваться в этот процесс, поскольку результат оказания услуги находится в полном и безоговорочном ведении выпускника. Возникает путаница, противоречие между *фактическими* функциями участников образовательного процесса и их *юридически* определенными статусами. В итоге наши чиновники пытаются решить две задачи, не осознавая, что они разные: сделать услугу конкурентоспособной на международном рынке и сделать продукт покупаемым на рынке внутреннем.

В свете сказанного дать исчерпывающий ответ на третий вопрос: «Поможет ли профессионализация повышению конкурентоспособности?» – не представляется возможным, ибо на сегодня нет *законного* механизма, способствующего профессионализации высшего образования. Этот тезис следует пояснить.

Попытки хотя бы частично восстановить связь высшей школы и производства, разорванную в процессе дезинтеграции единого экономического пространства, и реинтегрировать их в широко понимаемое *общественное* производство, предпринимаются на протяжении многих лет. Здесь и усилия по созданию общественных советов и «открытых кафедр» с участием университетских профессоров и ведущих представителей отрасли, и ставшие особенно настойчивыми в последние годы предложения дать работодателям право сертифицировать вузовских преподавателей по соответствующим отраслям – но все это по-прежнему выглядит кустарщиной и самодеятельностью. В самом деле, получается, что оценивать вузовских преподавателей и научных сотрудников как субъектов рынка услуг приходят субъекты рынка продуктов. На каком основании? Ведь согласно действующему законодательству, работодатель к вузам никакого отношения не имеет – ни юридически, ни концептуально. И любая деятельность в этом направлении хоть и не противозаконна, но и не законна. В отсутствие законодательных и иных нормативных актов, прямо регулирующих связь вузов и производства, она могла бы осуществляться на принципах саморегулирования, но и такие взаимоотношения сфер образования и производства (бизнеса) не предусмотрены, они реализуются по преимуществу внутри отраслей, между однородными структурами и чаще всего с фискальными целями.

Возможно ли в ближайшем будущем разрешить это противоречие, и если возможно, то как? На уже упоминавшейся конференции нам приходилось слышать, что новое руководство Министерства образования и науки России имеет твердое намерение разрешить и устранить эту коллизию, что в общем-то не может не радовать. Однако, во-первых, это потребует серьезной перетряски договорной базы, регулирующей взаимоотношения вузов и обучающихся в них граждан. Во-вторых, и это, пожалуй, главная проблема, устранение юридической коллизии *не означает устранения условий ее возникновения*. А условия эти диктуются наличным *типом общества, или способом производства*.

Технологический аспект способа производства характеризует способ *непосредственного* соединения компонентов определенного производственного процесса. Способ производства в широком смысле – или *общественный аспект способа производства* – представляет собой общую, инвариантную характеристику соединения компонентов производительных сил в данном типе общества.

«Общественный способ производства и представляет собой *сущность* общества...» [7, с. 140–141], и в нашем случае, то есть при капитализме, *общественный* способ производства реализуется через *частные* виды труда и структуры производства. И даже если труд касается общего результата, результата в рамках всего общества, он остается при этом разделенным трудом, поскольку в рамках целого, *совокупного процесса* остается его *частью*.

В ходе постперестроечной дезинтеграции единая система вузовского образования и производства развалилась на части, потребовавшие вскоре, естественно, иной, специфической формы соединения, существенно отличной от прежней. Такой формой стал рынок. (В сущности, он же был и фактором, и *целью* дезинтеграции: систему разваливали «под него»). «Рыночные отношения радикально трансформировали систему высшего образования России: на каждом ее уровне возникли собственные интересы, конфликтующие с интересами ... остальных» [1, с. 362]. Сегодня на месте старой системы существуют два ее обломка, две бывших подсистемы, соединенные как внутри себя, так и между собой товарными связями, предполагающими, в свою очередь, высокую степень противоречивости, отчуждения, разъединения компонентов.

В прежней системе, как справедливо заметила М. Б. Софиенко, «интересы отдельных людей, поступивших в вузы, соединялись в образовании с интересами государства, которое гарантировало выпускнику достойную профессию, а взамен получало необходимых в данный момент специалистов» [1, с. 361]. Сегодня выпускник оказывается вклиненным между вузом и производством, причем в ходе обучения он поставлен в двойственное положение. В конце процесса он (и исключительно он) *продает* свою *рабочую силу*. А в начале процесса абитуриент – то есть тот же выпускник, но *еще не обученный*, – выступает заказчиком нашей *услуги*. Именно в этом, пока еще профанном, статусе он дает «техническое задание» (!) на услугу и оценивает ее качество. Но ведь очевидно, что ни корректно сформулировать задание, ни адекватно оценить результат он *пока* не может. Система ломается на этом звене. Точнее, она уже давно сломана и не может быть снова выстроена при такой конфигурации. Сегодня она напоминает «бабушкины очки», по-стариковски замотанные синей изолентой.

Итак, рыночные, товарные механизмы не в состоянии реинтегрировать систему «вуз-производство». Единственный выход здесь – менять концепцию.

В какую сторону концепция может быть изменена? И каким способом могут быть реализованы такие изменения? Ответы на этот вопрос означали бы контуры новой стратегии образования, что, в свою очередь, означало бы новое видение будущего. А это сделать безумно сложно: ведь нельзя описать то, чего еще нет. Но можно рассмотреть *тенденции, предпосылки* – тем более что исторический опыт позволяет учитывать то, от чего мы ушли путем «дурного отрицания» [8], то есть учитывать опыт советской системы.

В советской концепции образования присутствовали два системообразующих момента. Во-первых, она исходила из Марксова понимания процесса образования как процесса *производства человека* – главного компонента производственного (трудового) процесса. Маркс выделял следующие «простые моменты процесса труда...: целесообразная деятельность, или самый труд [а, следовательно, его носитель, человек труда – А. С.], предмет труда и средства труда» [9, с. 162]. В свою очередь, каждый момент есть результат *специального* процесса производства – в этом и состоит суть общественного разделения труда [9, с. 163; 10, с. 17–28].

Что мешает вновь начать рассматривать образовательный процесс как процесс производства рабочей силы, а еще шире – *производства человека*? Не нравится Маркс? Обратитесь к Адаму Смитту: «Когда сооружается какая-нибудь дорогая машина, обыкновенно рассчитывают, что большое количество работы, которое она выполнит, пока не износится, возместит капитал, затраченный на нее по меньшей мере с обычной прибылью. Человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такою же дорогою машиною» [10, с. 145].

Что мешает принять этот классический подход и заставляет без конца возвращаться на кладбище гипсовых «атлантов», слепленных патологической индивидуалисткой Айн Рэнд? [11] Думается, главная проблема – отсутствие новой стратегии. Рыночный механизм, выведенный по умолчанию из-под какой бы то ни было критики, воспроизводит сам себя – и все свои атрибуты; он сам себе «стратегия». И изменить ситуацию может только субъект целеполагания и принятия решения, который определит *новую картину* потребного будущего и выдвинет построенную на ее основе альтернативную стратегию, имеющую в качестве объекта целеполагания *общество в целом*. Таковым субъектом в настоящее время может быть только государство.

Здесь следует напомнить, что картина будущего, положенная в основание какой бы то ни было стратегии, может быть нарисована различными методами прогнозирования. Все их можно объединить в две большие группы: поисковые (трендовые) и нормативные (целевые). *Поисковые* прогнозы направлены из настоящего в будущее и рисуют его картину преимущественно путем экстраполяции в будущее существующих тенденций. «Новаторской» разновидностью поискового прогноза можно считать модную ныне теорию «черного лебедя», призывающую учитывать скачкообразные перемены тенденций и быть готовыми к появлению неожиданных «коридоров возможностей», ветвящихся по принципу фрактальной геометрии Мандельброта [12; 13]. В поисковом прогнозировании инвариантно – для любой разновидности такого подхода – преобладает зависимость будущего от прошлого, попытки выявить детерминирующие факторы и *приспособиться* к конъюнктуре [14, с. 64]. Естественно, что *рыночный* подход конъюнктурен по определению и целиком ложится в этот тип отношения к будущему.

Нам могут возразить, что *нормативное* прогнозирование вырабатывалось и применялось в тех же общественно-экономических условиях, что поисковое, но при этом ориентировано не на конъюнктуру, а на целевые показатели.

Действительно, нормативные (целевые, проективные) прогнозы направлены из будущего в настоящее – в том смысле, что картина «потребного будущего» выступает как *цель и мотив* организации в настоящем времени такого процесса, который в будущем привел бы к реализации желаемой картины. А какова эта картина? В ответе на этот вопрос как раз и кроется нестыковка.

Мы уже подчеркивали, что в проективном мышлении, характерном для нормативного подхода, «проектировщик будущего движется от сегодняшнего состояния к завтрашней цели, рассматривая будущее как технологический проект» [15, с. 667]. Но парадоксальным образом «техническое задание» такого проекта не содержит новизны, ибо его «*конечная цель очевидна и предсуществует* любому проекту... Она стандартна: прирост капитала, то есть прибыль» [15, с. 667]. В самом деле, достаточно вспомнить жесткое увязывание инноваций и капитализации в «стратегии–2020» [16]. Таким образом, «складывается парадоксальная конфигурация перевертывания основания и обоснованного: субъектом проектирования становится... объект. Вот почему основным когнитивным инструментом проективного мышления остается экстраполяционная методика – даже если внешне она выглядит как экспертирование по методу Дельф или форсайт-сессия» [15, с. 667]. Но при этом, в отличие от экстраполяции мрачных трендов, как это происходит в поисковых прогнозах, нормативные прогнозы экстраполируют *мечту*, предлагая аудитории виртуальный образ [14, с. 63] «светлого будущего».

Крупнейший отечественный эксперт в области социального прогнозирования и глобалистики И. В. Бестужев-Лада с мрачным юмором описывал проблемы в сфере исследования будущего в России: «Первая. Аудитория психологически устала от апокалипсических картин будущего, которые открывают поисковые прогнозы... Вторая. Аудитория психологически устала от радужных картин будущего, которые открывают нормативные прогнозы...» [17]. Иными словами, крайности сходятся в своей бесплодности. Дабы пройти между Сциллой поисковых прогнозов и Харибдой

нормативных, И. В. Бестужев-Лада предлагал некое «технологическое прогнозирование», которое, по его словам, «принципиально отказывается в подобных случаях от каких бы то ни было предсказаний... и предлагает выявлять назревающие проблемы и возможные пути их решений» [17]. Смягчая таким образом остроту противоречия, знаменитый футуролог, тем не менее, не показал (или не захотел показывать?) главного – принципиального отсутствия новых механизмов: и назревающие проблемы, и возможные пути их решений искались в рамках качественно неизменной социальной парадигмы [18].

На наш взгляд, действительно удачный прогноз возможен только в рамках более широкого, *социального предвидения*, позволяющего оценить *социальные последствия* той или иной инновации. Одним из самых первых (и до сих пор самых глубоких) исследований в этой области является книга красноярского ученого А. М. Гендина [19, с. 128].

Такой подход «означает, что мы рассматриваем человеческое сообщество как *органическую* систему, а изменение любого его элемента как изменение всей системы» [20, с. 94]. Именно на такой методике, в частности, строились эвристические игры «Археологи времени», которые мы проводили в 2015–2016 гг. в НИУ МИСиС и МГУ имени М. В. Ломоносова.

Прогнозируя и/или проектируя какую-то конкретную инновацию, мы должны предвидеть *весь процесс* инновационной деятельности, а не только монетизацию, как нам внушают «эффективные менеджеры». Для этого необходимо (но отнюдь не достаточно) ответить на вопросы:

- *Что* надо будет сделать, чтобы достичь именно такой инновации?
- *Без чего* невозможен прогнозируемый результат?
- И, наконец, *от чего* придется ради него отказаться?

Ведь, помимо всего прочего, цель любого прогноза и необходимое условие любой стратегии – побудить людей *задуматься* (а тех, кто думать не научился, – *прочувствовать*), какую цену мы можем заплатить за то, что *кажется* сейчас важным? [20, с. 96; 21]

Выводы. Так что же в свете сказанного нужно сделать в сфере образования, чтобы достичь запроектированного результата? И правильны ли принципы самого «проектного задания»?

Конечно же, оптимальным было бы восстановление разрушенного единого комплекса вуз-производство с общим заказом на вузовский «продукт». А системообразующим мотивом планирования в таком комплексе должна была бы стать не прибыль, а *общественная польза*. Однако мы понимаем, что такая оптимальная конфигурация неисполнима, поскольку в основе общества лежит рыночный принцип атомизации, «совокупности изолированных индивидов». Советская система в этой ситуации не может быть восстановлена хотя бы потому, что в качестве заказчика-работодателя выступает множество частных компаний, да и государственные корпорации работают по тем же рыночным принципам и с тем же профитным целеполаганием, что и частные.

Однако *программа-минимум* – признание всего процесса единым и производственным – вполне реальна. Вполне возможно в рамках Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» начать разработку *стратегической системы* взаимодействия производства и вузов, причем генеральным заказчиком в этой системе может (и должно) выступать государство. Именно таким образом можно было бы уравновесить печальные «новшества», внесенные в нашу жизнь Болонской системой.

Часто можно услышать возражения: мол, описанные трудности – удел фундаментальных дисциплин, в особенности гуманитарных. Дескать, гражданское общество не заинтересовано в выпускниках – носителях таких специальностей, а бизнес – тем более. Посему заказ на историков, филологов и «прочих философов» должно делать государство, и оно же должно выдвигать требования к их компетенциям, а вот подготовку по прикладным дисциплинам должен заказывать и контролировать бизнес.

Однако слабость такой позиции очевидна: государство (которое, по идее, представляет интересы всего общества) и бизнес оказываются в заведомо неравных условиях, причем неравенство это явно в пользу последнего. Ведь, выдвигая требования к выпускникам, государству и вузам, бизнес не тратит ни копейки на подготовку специалиста и не гарантирует ему работу.

Напомним: Болонская система не предполагает гарантии рабочих мест. (Вспомним: студенческие протесты 2006 года во Франции были связаны с «договором первого найма», предусматривавшим двухлетний испытательный срок, в течение которого работодатель мог бы без объяснения

причин уволить молодого работника). Будучи декларативно рыночной, то есть основанной на принципах личной свободы, Болонская система разрывает общественно-производственные связи и сама вводит принципы *внеэкономического принуждения*. Как это ни парадоксально, но если мы хотим экономических отношений, мы должны добиваться для вузовской деятельности введения статуса *производства продукта*, а не *оказания услуги*. Если мы производим продукт, то несем ответственность за функционирование выпускника. Если оказываем услугу – то нет. И если бизнес хочет выдвигать требования к подготовке специалистов, то он становится *заказчиком* и вступает через генерального заказчика (государство) в *экономические* отношения с исполнителями-вузами. То есть попросту платит за производственный ресурс – рабочую силу, – который для него готовят, и несет обязательства по социальным гарантиям для владельцев этого ресурса. Если же он этого не делает, то все его требования могут не приниматься в расчет.

И в любом случае мы должны признать принципиальную вредность тезисов о конкурентоспособности услуг/продуктов системы образования *самих по себе* и, взглянув шире, рассматривать единый процесс *производства человека* как главного компонента производительных сил.

Только так мы сможем в дальнейшем ориентироваться на реальную конкурентоспособность нашего образования, которая в идеале должна выражаться в конкурентоспособности страны и ее национальной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Софиенко М. Б. Эффективность высшего образования: между свободой и необходимостью // Профессиональное образование в современном мире. Т. 6. № 2. 2016.
2. Мошник. Zašto braniti javno obrazovanje i zdravstvena skrb // Novi Plamen, No. 3–4, maj–junij 2007.
3. Костикова А. А. Международная торговля услугами: новые тенденции развития и регулирования, роль в интеграционных процессах. М.: ВАВТ Минэкономразвития России, 2016.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N273-ФЗ (действующая редакция, 2016), ст. 47, 48, 50, 54 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». 2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.12.2016).
5. Национальный стандарт Российской Федерации: Услуги населению. Термины и определения. ГОСТ Р 50646–2012 // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. 2012. URL: <http://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=0&month=1&year=-1&search=%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%20%D0%A0%2050646-2012&id=183567> (дата обращения: 12.12.2016).
6. Латухина К. Армия с дипломом: Владимир Путин поставил задачи перед ректорами // Российская газета. Столичный выпуск. 31.10.2014. № 6522 (250). С. 2
7. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: МГУ, 1988.
8. Лосев А. Ф. Мощь диалектического отрицания // Credo New. 2013. No. 3.
9. Marx K. MEGA, Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie. Erster Band, Hamburg, 1890. Vol 10. Berlin: Dietz Verlag, 1991.
10. Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol 1. London: ElecBook Classics, 1776.
11. Rand A. Atlas Shrugged (35th anniversary ed.). New York: Dutton, 1992 [1957].
12. Taleb N. N. The Black Swan: the impact of the highly improbable. 2nd ed. London: Penguin, 2010 [2007].
13. Hammond P. Adapting to the entirely unpredictable: black swans, fat tails, aberrant events, and hubristic models // WERI Bulletin, October 2009.
14. Сегал А. П. Прогноз как технология PR // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. Т. 1. 2015. № 1.
15. Кошель В. А., Сегал А. П. Проблемы современных трансформаций субъекта знания и процесса познания // Профессиональное образование в современном мире. Т. 6. 2016. № 4. С. 664–669.
16. Чернышёв С. «Постылые» инновации и капитализация России. Что упущено в стратегии – 2020? // Экология и жизнь. 2016. URL: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/43469/> (дата обращения: 14.12.2016).
17. Бестужев-Лада И. Исследования будущего: проблемы и решения // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. 28.08.2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633> (дата обращения: 16.09.16).
18. Clarke A. C. Profiles of the Future; an Inquiry into the Limits of the Possible. London: Scientific Book Club, 1962.

19. **Гендин А. М.** Предвидение и цель в развитии общества: (Философско-социологические аспекты социального прогнозирования). Красноярск: изд. Красноярского государственного педагогического института, 1970.

20. **Сергал А. П.** Эвристическая игра как способ философствования // *Философия – детям. Эмоциональное и рациональное. Материалы Седьмой Международной Научно-практической конференции / Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2016. С. 93–96.*

21. **Lem S.** *Summa Technologiae*. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 1964.

REFERENCES

1. **Sofienko M. B.** [Revisiting the efficiency of higher education: between freedom and requirements]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2016, Vol. 6, no. 2. pp. 358–364. (in Russ).

2. **Močnik.** Zašto braniti javno obrazovanje i zdravstvena skrb. *Novi Plamen*, 2007, no. 3–4, maj-junij (in Slovenian).

3. **Kostikova A. A.** *Mezhdunarodnaya trgovlya uslugami: novye tendentsii razvitiya i regulirovaniya, rol v integratsionnyh protsessah* [International trade in services: new trends of development and regulation and the role in integration processes]. Moscow, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation Press, 2016. 320 p.

4. **Federalnyy zakon “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29.12.2012 N° 273-FZ?** St. 47.48.50.54 ([Federal law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On education in the Russian Federation”, articles 47, 48, 50, 54.]. ConsultantPlus, 2012. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed December 16, 2016).

5. **Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii: Uslugi naseleniyu. Terminy i opredeleniya.** GOST R50646–2012 [National standard of the Russian Federation: Services for people. Terms and definitions. GOST R50646–2012]. Available at: <http://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=0&month=1&year=-1&search=%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%20%D0%A0%2050646-2012&id=183567> (accessed December 12, 2016).

6. **Latukhina K.** [The army with a degree: Vladimir Putin has set the task to rectors]. *Rossiyskaya gazeta – Stolichnyy vypusk = Russian newspaper – Capital release*, October 14, 2014, no. 6522 (250). p.2 (in Russ).

7. **Vaziulin V. A.** *Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii.* [The logics of history. Issues of theory and methodology.] Moscow, MSU Press, 1988.

8. **Losev A. F.** [The Power of Dialectical Negation] *Credo New*, 2013, no. 3 (in Russ).

9. **Marx K.** *MEGA, Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie. Erster Band, Hamburg 1890, Vol 10.* Berlin: Dietz Verlag, 1991. 1288 pp. (in German)

10. **Smith A.** *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol 1.* London: ElecBook Classics, 1776.

11. **Rand A.** *Atlas Shrugged (35th anniversary ed.)*. New York: Dutton, 1992 [1957].

12. **Taleb N. N.** *The Black Swan: the impact of the highly improbable.* 2nd ed. London: Penguin, 2010 [2007].

13. **Hammond P.** *Adapting to the entirely unpredictable: black swans, fat tails, aberrant events, and hubristic models” // WERI Bulletin, October 2009.*

14. **Segal A. P.** [Forecast as a PR technology] *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike = Strategic communication in business and politics*, 2015, Vol. 1, no. 1 (in Russ).

15. **Koshel V. A., Segal A. P.** [Problems of modern transformations of the subject of knowledge and of the process of cognition]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2016, Vol. 6, no. 4. p.p. 664–669. (in Russ).

16. **Chernyshev S.** “Hateful” innovation and the capitalization of Russia. What’s missing in the strategy 2020?. *Ekologiya i zhizn = Ecology and Life*, 2016. Available at: <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/43469/> (accessed December 14, 2016).

17. **Bestuzhev-Lada I.** *Issledovaniya budushchego: problemy i resheniya* [Studies of the future: problems and solutions]. Available at: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633> (accessed September 16, 2016)

18. **Clarke A. C.** *Profiles of the Future; an Inquiry into the Limits of the Possible.* London: Scientific Book Club, 1962.

19. **Gendin A. M.** *Predvidenie i tsel v razvitii obshchestva: (Filosofsko-sotsiologicheskie aspekty sotsialnogo prognozirovaniya).* [Foresight and Purpose in the Development of Society: (Philosophical and Sociological Aspects of Social Forecasting)]. Krasnoyarsk, KSPU Press, 1970. 436 p.

20. **Segal A. P.** *Evristicheskaya igra kak sposob filosofstvovaniya* [Heuristic play as a way of philosophizing] *Filosofija – detiam. Emotsionalnoe i ratsionalnoe. Materialy Sedmoy Mezhdunarodnoy Nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of VII Internat.sci.conf. “ Philosophy for children. Emotional and rational]. Moscow-St. Petersburg, 2016. pp. 93–96.

21. **Lem S.** Summa Technologiae. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 pp. (in Polish)

Информация об авторе

Сегал Александр Петрович (Москва, Россия) – канд. филос. наук, научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета ФГБОУ ВО «Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, МГУ имени М.В. Ломоносова, Учебный корпус «Шуваловский», философский факультет. +7(903)7258878, e-mail: segal.alexander@gmail.com).

Принята редакцией: 26.12.2016

Information about the author

Alexander P. Segal (Moscow, Russia) – Candidate of Philosophy, Research Fellow at the Chair of Language Philosophy and Communications at the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Building Shuvalovsky, 119991 Moscow, Russia; +7(903)7258878, e-mail: segal.alexander@gmail.com).

Received 26 December 2016